

Наталья Александрова

Тайна старой газеты

Роковой артефакт

Наталья Александрова

Тайна старой газеты

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Александрова Н. Н.

Тайна старой газеты / Н. Н. Александрова — «Издательство АСТ», 2023 — (Роковой артефакт)

ISBN 978-5-17-153728-9

В разных странах и в разных эпохах, словно время и пространство над ним не властны, появлялся загадочный седовласый старец, который предлагал всем желающим сыграть с ним партию в кости. Тайна его личности была покрыта мраком: одни видели в нем ученого-алхимика, другие считали чернокнижником и обвиняли в общении с дьяволом. Как бы то ни было, но любой, кто принимал его предложение, становился свидетелем череды странных, необъяснимых событий... В современном Петербурге детектив-любителю Надежде Лебедевой попадает в руки стопка старых советских газет, и что удивительно: происшествия, описанные на их страницах, странным образом начинают повторяться в настоящем. Будучи человеком здравомыслящим и не верящим в мистические совпадения, Надежда желает разобраться в происходящем. И поиски истины приводят ее к злополучным игральным костям...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-153728-9

© Александрова Н. Н., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

32

Наталья Александрова

Тайна старой газеты

© Н. Александрова, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Пожилая интеллигентная женщина вышла из подъезда и неспешно пошла по двору, аккуратно ступая по влажным плиткам.

Ночью прошел дождь, и сейчас с неба еще сыпалась какая-то морось, но в ноябре почти всегда так бывает. А гулять все равно надо, иначе ослабеешь и по ночам не сможешь спать, сердце будет ныть, и полезут в голову нехорошие мысли. О том, что возраст солидный – уже далеко за восемьдесят – и силы убывают с каждым днем. О том, что сколько веревочке ни виться, а конец все ближе и ближе. И встретить этот конец придется в одиночестве, потому что мужа нет уже давно, сын с семьей живет отдельно, и даже кот умер в прошлом году, а другого заводить не стоило, он явно переживет свою хозяйку, и что тогда будет с животным?

Налетел порыв ветра, и женщина зябко втянула голову в плечи. Где-то хлопнуло окно, с ближайшего куста сирени вспорхнула стайка воробьев – этим все нипочем, хоть зима, хоть лето, хоть дождь, хоть град. И вдруг сквозь тучи, похожие на грязно-серую вату, чудом просочился луч солнца, отразился в стекле распахнутого окна и на миг ослепил дворничихину кошку Катю, которая выглядывала из подвального окошка в раздумьях, идти на улицу, или все же посидеть в тепле.

Тучи тут же сомкнули ряды, и лучик исчез, но все же успел поднять всем настроение. Воробьи снова облепили куст сирени, на котором остались кое-какие листья, и громко зачирикали. Кошка Катя отважно шагнула из подвала и пошла по направлению к кусту, брезгливо дергая лапой, когда наступала на мокрое. А пожилая интеллигентная женщина улыбнулась и выпрямила спину.

Все не так плохо. В свои годы она вполне может ходить без палки, все видит, более-менее слышит, а главное – все помнит. Старость, конечно, вещь малоприятная, но то, что последует за ней, гораздо хуже. А ведь многие ее подруги и знакомые уже по ту сторону... Ну, не будем о грустном.

Она пересекла двор, краем глаза заметив соседа с собакой из второго подъезда. Собака была огромная и чрезвычайно любвеобильная, при встрече тут же вставала лапами и начинала облизывать. Не всем такое нравилось, но иногда хозяин просто не мог удержать этого бегемота.

Женщине совсем не хотелось пачкать приличное пальто, поэтому она сделала вид, что не заметила приветственного жеста хозяина собаки, и свернула в сторону помойки. Помойка у них во дворе располагалась в довольно симпатичном ярком домике, а дверь запиралась на кодовый замок, но сейчас возле этой двери валялась пачка старых газет, кое-как перевязанных бечевкой. Видно, кому-то из жильцов было лень заходить внутрь, или он не знал код замка.

В эту минуту налетел новый порыв ветра, бечевка развязалась, и газеты полетели – одна, вторая, третья...

– Да что же это такое! – возмутилась женщина. – Куда только дворник смотрит? Теперь газеты по всему двору разлетятся, мусору-то сколько...

Она наклонилась, чтобы поднять ближайшую газету и вдруг увидела фотографию. Черно-белую, старую, выцветшую, как и сама газета. Не веря своим глазам, женщина взгляделась в снимок. Не может быть! Этого просто не может быть!

Под фотографией стояла подпись, напечатанная мелким шрифтом. Ох, в этих очках не разглядеть... а очки для чтения лежат в сумке. Дрожащими руками женщина поменяла очки и поднесла газету к лицу, с трудом разобрав подпись под снимком. После чего в глазах у нее потемнело, сердце стремительно опустилось куда-то вниз, всю левую сторону заломило...

Перед тем как отключиться, она успела опереться о дверь и сползла на мокрые плитки двора.

Огромный пес вдруг отвлекся от упоительного обнюхивания ствола дерева, поднял голову и заскулил.

– Что такое, что с тобой, Гаричка? – встревожился хозяин.

Пес не ответил, уселся поудобнее и вдруг завыл.

– Да что с тобой?

– По покойнику воеет, – безапелляционно заявила неизвестно откуда материализовавшаяся дворничиха Зинаида. – Собаки всегда чувствуют, когда покойник в доме.

– Типун тебе на язык! – сказала появившаяся из подъезда Антонина Васильевна, личность в доме известная и уважаемая. Правда, не всеми.

Будучи в курсе всех событий не только во дворе, но и в микрорайоне в целом, кое-какие наблюдения она держала при себе, кое-какими делилась с участковым. Таким образом Антонина Васильевна предотвратила парочку краж, одно ограбление и угон машины, после чего жильцы перестали ворчать и дали ей прозвище Недреманное око.

– Анатолий! – строго сказала она. – Опять вы во дворе собаку выгуливаете?

– Да мы домой идем, а Гаричка вот...

Пес самозабвенно выводил рулады.

– Говорю, по покойнику! – Дворничиха оперлась о метлу и настроилась поболтать. – Вот у нас в деревне случай был...

– Шла бы ты, Зина, двор мести! – прервала ее Антонина Васильевна.

– А что случилось? – спросила Надежда Николаевна Лебедева, робко выглядывая из подъезда. Пса Гарольда она заметила еще с лестницы и теперь, опасаясь его чрезмерных ласк, вела себя осторожно.

Зинаида не ответила и с метлой наперевес направилась к помойке, а через несколько минут послышался ее истошный крик. Дворничиха размахивала руками, указывая на какой-то то ли тюк, то ли еще что-то, валявшееся на земле.

Анатолий от неожиданности выпустил поводок, и пес понесся к помойке огромными скачками.

– Стой! Гарольд, назад! – закричал хозяин.

Но куда там! Пес, и всегда-то непослушный, сейчас просто ополоумел.

– Ой, и правда, там что-то неладно! – Антонина Васильевна, переваливаясь как утка, тоже устремилась к помойке, крикнув: – Надя, бежим!

Но Надежда Николаевна была уже впереди. На повороте ее догнал Анатолий, едва не столкнув с дорожки, и вскоре они оказались возле помойки, где дворничиха безуспешно отгоняла пса. Тюк вблизи оказался человеком, а точнее женщиной, лежавшей у стенки домика, безвольно опустив голову.

– Говорила, что не зря он выл! – Зинаида метлой указала на пса, которого хозяин все же умудрился взять на поводок. – Вот покойница и образовалась!

– Да погоди ты! – Надежде Николаевне показалось, что женщина слегка шевельнулась. – Надо еще посмотреть, как она и что, и вообще, «скорую» вызвать!

Она присела перед женщиной и тронула ее за плечо. Плечо казалось неподвижным и неживым.

– Вероника Пална! – сказала запыхавшаяся Антонина Васильевна. – Это же Вероника Пална, ее пальто!

– Померла! – уверенно припечатала Зинаида. – Инфаркт хватил или инсульт!

– Не каркай! И вообще, отойди со своей метлой! – рассердилась Надежда и, заметив, что пес наступил на очки и сломал оправу, рявкнула Анатолию: – А ты держи своего бегемота крепче!

Кстати, оправу была дорогая, потому что и Вероника Павловна являлась человеком непростым. В прошлом довольно известный адвокат, она всегда была готова помочь юридическим советом или найти нужного специалиста. Связей у нее имелось несметное количество, да и с памятью пока было все нормально, несмотря на достаточно преклонный возраст.

Неужели эта болтушка Зинаида права и Веронику Павловну настигла неприятная старуха с косой? Не может быть. Не такой она человек, чтобы закончить свою жизнь на помойке.

Отогнав всех, Надежда решила и тихонько приподняла Веронику Павловну за голову. Веки пожилой женщины слегка шевельнулись.

– Жива она, «скорую» нужно вызвать!

– Уже, – отозвалась Антонина Васильевна, – уже вызвала. Сказали, скоро будут. К упавшим на улице они быстро приезжают.

Голова Вероники Павловны безвольно качнулась и едва не стукнулась о каменную стену, но Надежда Николаевна в самый последний момент успела подложить свой шарф.

Пес снова принялся выть, и хозяин от греха увел его домой. Зинаида побежала искать управляющего, чтобы открыл ворота для машины «скорой помощи». Антонина Васильевна отгоняла любопытных жильцов, выбежавших посмотреть, что случилось.

Таким образом ненадолго Надежда Николаевна осталась с пострадавшей одна и, услышав ее тихий стон, присела рядом на стопку старых газет.

Пожилая женщина открыла глаза и с трудом сфокусировала взгляд на Надежде.

– Вероника Павловна, дорогая, ничего не бойтесь, сейчас «скорая» приедет, в больнице подлечитесь... – Надежда Николаевна без усталости молила языком, чтобы удержать внимание пострадавшей.

– Надя... – с трудом произнесла Вероника Павловна, – это ты?

– Я, конечно! Вы только не отключайтесь!

Вероника Павловна шевельнула рукой, и Надежда решила, что та просит ее замолчать, но пенсионерка явно что-то искала. И нашла старую газету, валявшуюся рядом.

– Сохрани ее! – сказал Вероника Павловна, смяв газету в руке. – И никому не показывай! Поняла? Это очень важно!

– Конечно! – Надежда осторожно вытащила газету, чтобы ненароком не порвать, сложила ее вчетверо и сунула в карман пальто, прихватила еще и сломанную оправу.

– «Скорая» приехала! Слышу гудок за воротами! – крикнула Антонина Васильевна.

Вскоре от ворот уже спешили санитары с носилками и толстая докторша.

Антонина Васильевна оперативно выяснила у водителя «скорой», куда повезут пострадавшую, и через несколько минут возле помойки остался только Надеждин шарф.

– Я позвоню ее сыну, – сказала Антонина Васильевна, – у меня телефон есть.

Зинаида заперла ворота, любопытные разошлись. Надежда увидела на пальто пятна грязи и пошла домой чиститься и стирать шарф. Про то, что собиралась в химчистку за джемпером мужа, она благополучно забыла.

Дома было тихо, кот Бейсик безмятежно спал на кухне возле батареи отопления. Для этой цели к батарее был приставлен специальный мягкий пуфик. С возрастом кот возмужал и прибавил в весе, так что на пуфике помещался с трудом. Надежда Николаевна даже пред-

рекала, что однажды кот с него свалится. Бейсик обиженно надувал щеки и делал вид, что с Надеждой вообще не знаком.

Первым делом Надежда Николаевна почистила пальто, затем выстирала шарф в теплой воде, прополоскала в слабом растворе уксуса, чтобы не полинял, а потом долго трясла над ванной, чтобы не сваялся. После чего разложила сушиться на махровом полотенце, чтобы многострадальный шарф не потерял форму.

Здорово утомившись от трудов, она решила выпить чашечку кофе и перекусить чем-нибудь не слишком калорийным.

Заправив кофеварку, она съела яблоко и осознала, что вот теперь захотела есть еще сильнее.

Стараясь не думать о том, какие цифры покажут ей завтра весы, сделала большой бутерброд с ветчиной, сыром, помидорами и маринованными огурчиками, налила большую чашку кофе, но не успела сесть за стол, как из коридора донеслось негромкое, но весьма подозрительное шуршание.

Зная хулиганский характер Бейсика, Надежда Николаевна заподозрила неладное и направилась в сторону коридора, крикнув по дороге:

– Бейсик, прекрати немедленно!

Кот сидел на полу и опасно трогал лапой сложенную вчетверо пожелтевшую газету.

Прежде Надежда Николаевна не замечала за ним такого настороженного обращения со старыми бумагами: он их просто и незатейливо драл когтями, пока не превращал в бесформенную труху, сейчас же только осторожно дотрагивался лапой, как будто ожидал от газеты какого-то подвоха.

– Прибраться нужно... – вполголоса проговорила Надежда, наклоняясь, чтобы поднять газету, но тут вспомнила, что это именно та, которую просила сохранить Вероника Павловна. – Хорошо, что ты не успел ее разодрать! – сказала она коту, поднимая газету с пола и невольно приглядываясь к ней.

Несомненно, газета была очень старая.

Почему же Вероника Павловна так о ней беспокоилась? Что в этой газете может быть важного или интересного?

Она вспомнила, как рука старой адвокатши бессильно скребла по земле и как просветлело ее лицо, когда та нашла газету. Нет, с этой газетой не все просто, в ней явно было что-то важное.

В эту минуту у Надежды Николаевны закололо в корнях волос, а это чувство ей было хорошо знакомо. Оно возникало только в одном-единственном случае: когда госпожа Лебедева сталкивалась с очередной криминальной загадкой.

Дело в том, что Надежда Николаевна, приличная, интеллигентная женщина среднего возраста, имела весьма необычное хобби. В свободное время она не вязала носки внукам, не складывала пазлы, не занималась оригами и даже не разводила комнатные цветы. Вместо этих уютных и необременительных дел она расследовала криминальные истории, время от времени случавшиеся с ее многочисленными друзьями и знакомыми.

Муж Надежды Николаевны не одобрял такого увлечения и, хоть был человеком воспитанным, разумным и спокойным, в данном случае держался твердо, поскольку точно знал, что где криминал – там серьезная опасность. А Сан Саныч очень любил свою жену и боялся ее потерять. Надежда в глубине души признавала его правоту, но ее авантюрная натура всегда брала верх, и пару раз в семействе Лебедевых даже случались крупные скандалы. После чего Надежда Николаевна приняла мудрое решение не рассказывать мужу ничего такого, о чем он стал бы волноваться. Вернее, почти ничего.

Будучи женщиной честной, она не любила попусту врать, так что просто умалчивала о своих похождениях. И всех знакомых и друзей предупредила, чтобы не было никакой утечки информации.

Пока все удавалось держать от мужа втайне, но что будет дальше, никто не знал...

Надежда Николаевна развернула газету. Что же так взволновало Веронику Павловну?

Называлась газета «Светлое завтра» и была датирована первым января 1983 года.

Что же случилось в том давнем году?

На первой странице сообщалось, что труженики четвертой кондитерской фабрики досрочно перевыполнили план по производству апельсиновых вафель, сливочных тянучек и мятных леденцов, в соседнем районе открыт памятник известному селекционеру, а также пущен новый маршрут трамвая.

Дальше шла заметка об открытии нового Дома культуры и даже помещена фотография с этого мероприятия. В разделе «Новости культуры» сообщалось, что известный мастер миниатюры Константин Левшин создал точную модель Петропавловской крепости такого размера, что она поместилась на кончике швейной иглы. Кроме этого, была еще одна жизнерадостная новость – в городском зоопарке родился детеныш суринамского оцелота.

– Какая замечательная была жизнь в то время! – сказала Надежда коту, который явился на кухню и в полном удивлении воззрелся на хозяйку, возившуюся со старой газетой, вместо того чтобы немедленно ее выбросить мусоропровод и тщательно вымыть после этого руки. – Ни одной плохой новости.

Бейсик посмотрел очень выразительно.

– Да шучу я, шучу! – рассмеялась Надежда Николаевна. – Просто в то время была такая установка – печатать только хорошее, чтобы поднять у людей настроение.

Конечно, Надежда слегка переоценивала умственные способности кота и его выразительный взгляд относился вовсе не к содержанию газеты, а к запаху. А пахло от газеты застарелой пылью, старой выцветшей бумагой, типографской краской... и, естественно, мышами и крысами.

Сан Саныч, который обожал Бейсика без меры, утверждал, что он не только кот большого ума, но и замечательный охотник, ибо летом на даче ловил мышей, ящериц, кротов, лягушек, мух, бабочек и мелких птичек. Последнее, правда, уже давно не случалось, чему Надежда очень радовалась, потому что кот хоть и любимый, но птичек все-таки было жалко, а мышек не очень.

Но крошечный полевой мышонок – это не матерая подвальная крыса, прошедшая огонь и воду, с такой не каждый дворовый кот справится, что уж говорить об изнеженном, избалованном домашнем котике... Бейсик никогда не имел дела с этими отвратительными созданиями, но их запах отлично знал, потому и подходил к газете с опаской.

В общем, кот еще раз недоуменно посмотрел на хозяйку и с достоинством удалился, а Надежда продолжила изучение газеты.

На самой последней странице, в разделе «Происшествия», она обнаружила такую заметку:

Вчера на углу Кузнецовской улицы и Милого Зеленого переулка случилось дорожное происшествие, только чудом не обернувшееся трагедией.

Около шестнадцати часов пенсионерка Марфа Петровна Закускина выгуливала своего фокстерьера. Она не смогла удержать собаку, фокстерьер выскочил на дорогу, хозяйка бросилась за ним и едва не попала под колеса проезжавшей «Волги».

К счастью, водитель «Волги» успел своевременно изменить направление и врезался в киоск «Союзпечати». И фокстерьер, и его хозяйка отделались испугом.

– Надо же, и о такой ерунде писали в газетах! – проговорила Надежда, обращаясь с Бейсику, который почему-то снова заглянул на кухню. – Неужели не было ничего более интересного...

Кот выразительно мяукнул, поднял хвост трубой и направился к своей миске. А спустя минуту снова замыкал, причем так громко, что Надежде ничего не оставалось, как идти разбираться, что произошло.

А произошло то, что кошачья миска оказалась пуста. Бейсик сидел перед ней и возмущенно мяукал.

– Что, корма подсыпать? Одну секунду...

Надежда открыла кухонный шкафчик, где хранился кошачий корм, и ахнула.

Случилось страшное: корм закончился.

Обычно его покупал Сан Саныч, но сейчас он был занят делами перед очередной сложной командировкой, а Надежда вовремя не озаботилась пополнением запасов.

И вот результат...

Кот снова жалобно мяукнул, давая понять, что, если его сейчас же не накормить, он умрет с голоду... вот прямо тут, на кухонном полу...

– Не преувеличивай! – фыркнула Надежда Николаевна. – Утром я насыпала полную миску!

– Так то было утром! – ответил Бейсик выразительным взглядом.

– Ну ладно, признаю, виновата, и сейчас же схожу за кормом! Надеюсь, ты доживешь до моего возвращения!

Кот всем своим видом дал понять, что не доживет, и Надежда положила ему приличную порцию фарша, который размораживала для приготовления котлет.

Сан Саныч считал, что такая еда Бейсику вредна, но сам кот был другого мнения и принял дар благосклонно, после чего дал понять, что часик, пожалуй, проживет.

Надежда Николаевна торопливо оделась, вышла из дома и через несколько минут уже стояла у ближайшего зоомагазина, где обычно покупала припасы для кота.

На двери магазина висела табличка: «Закрыто по техническим причинам».

– Что же делать? – в отчаянии проговорила Надежда.

– Женщина, что вы так переживаете? – прозвучал рядом незнакомый голос.

Надежда Николаевна оглянулась и увидела высокую брюнетку с мальтийской болонкой на руках.

– Да вот корм для кота закончился, а магазин закрыт... кот мне этого не простит!

– А тут рядом есть другой магазин, – проговорила брюнетка. – Зайдите в эту арку, пройдите через двор – и окажетесь как раз рядом с зоомагазином.

Надежда Николаевна поблагодарила брюнетку и, направившись в указанном направлении, действительно без труда нашла зоомагазин, где купила большую упаковку кошачьего корма.

Выйдя из магазина, она огляделась в поисках обратной дороги и наткнулась взглядом на миниатюрную старушку, семенившую по улице с симпатичным джек-рассел-терьером на поводке.

Внезапно на их пути появилась тощая ободранная кошка. Песик подскочил на всех четырех лапах, громко взлаял и бросился на кошку. Та в первый момент возмущенно зашипела и выгнула спину, изготовившись к смертельной схватке, но потом передумала и выскочила на мостовую.

Песик бросился за ней, волоча на поводке свою хозяйку. Старушка попыталась удержать его, но силы были неравны и разбушевавшийся терьер вытащил хозяйку на мостовую... Прямо под колеса проезжавшей мимо «Волги».

Надежда Николаевна ахнула, старушка вскрикнула, тормоза машины взвизгнули... В последний момент водитель все же смог вывернуть руль, и машина врезалась в киоск с надписью «Пресса».

Зазвенели стекла.

Лежа на тротуаре, старушка безуспешно пыталась встать, терьер с лаем носился вокруг нее, и только кошка с невозмутимым видом удалялась прочь.

Надежда Николаевна бросилась на помощь старушке. Та, к счастью, не пострадала, с помощью Надежды поднялась на ноги и, схватив своего непослушного пса, стала осматривать его со всех сторон. Убедившись, что он тоже не пострадал, она принялась отчитывать его за отвратительное поведение.

В это время из машины, под колесами которой едва не погибла старушка, выскочил толстый краснолицый мужчина и испуганно заверещал:

– Она жива? Она в порядке?

– Жива, жива! – заверила его Надежда Николаевна.

– Да конечно, я жива. Вы что, не видите, молодой человек? – поддержала ее старушка.

– Что же вы за своей мамой так плохо следите? – воскликнул водитель, переключившись на Надежду. – Мама не должна ходить по улицам одна! Вот кто теперь мне ремонт оплатит? Я на этой «Волге» тридцать лет ездил, и ни одной аварии...

– Во-первых, это – не моя мама, – начала Надежда Николаевна.

– Ну, тетя, не знаю...

– И не тетя. Я ее вообще первый раз вижу... – на всякий случай открестилась Надежда. А начнется разбирательство, еще в свидетели призовут.

В эту минуту к ним подбежала взволнованная женщина средних лет и бросилась к старушке:

– Марфа Петровна, милая, с вами все в порядке?

– Марфа Петровна?... – удивленно повторила Надежда.

– Ну да, это Марфа Петровна, соседка моя! – подтвердила женщина. – Она не пострадала?

– Да вроде нет... отделалась легким испугом. Но врачу надо бы показать...

– Знаю, знаю! – Женщина торопливо фотографировала номера многострадальной «Волги». – На всякий случай, – шепнула она, – мало ли что... Бывает, человек сперва на адреналине встанет и пойдет, а потом, оказывается, шейка бедра сломана или еще что похуже... Хоть денег с него на операцию получить...

Женщина куда-то повела старушку, пристыженный терьер семенил следом. Владелец разбитой «Волги» охал, махал руками и бегал вокруг своей машины.

Заметив, что пакет с кормом прорвался сбоку, Надежда Николаевна подхватила его поудобнее и поплелась к дому, в последний момент случайно взглянув на табличку с названием улицы: «Малый Зеленной переулок».

– Ага... а там наверняка Кузнецовская улица... – проговорила она вслух.

Перед глазами возникла заметка из газеты сорокалетней давности.

Но этого просто не может быть!

Происшествие, описанное в газете, почти в точности совпадало с тем, что только что произошло на глазах Надежды. Только собака – не фокстерьер, а джек-рассел, да киоск – не «Союзпечать», а «Пресса». А в остальном – один в один... даже имя и отчество старушки! Даже марка машины, под которую она едва не попала! А ведь сейчас не часто встретишь на дороге «Волгу»... Когда-то эти машины считались самыми престижными, но их время давно прошло.

Чудеса, да и только...

Вернувшись домой, Надежда Николаевна еще раз внимательно просмотрела загадочную газету, но не нашла в ней ничего странного или необычного. Газета как газета, заполненная сомнительными новостями и сообщениями о малозначительных событиях.

Однако в заметке о происшествии с Марфой Петровной Закускиной на первый взгляд тоже не было ничего странного... до тех пор, пока происшествие сорокалетней давности не произошло снова. Да уж, это факт, который она видела собственными глазами. А своим глазам Надежда Николаевна вполне доверяла, равно как и остальным органам чувств.

У нее никогда в жизни не было видений или галлюцинаций, она не грезила наяву, не пыталась выдать желаемое за действительное, все знакомые признавали ее человеком здравомыслящим. Стало быть, ей ничего не привиделось, происшествие в переулке имело место быть. И время, кстати, почти совпадало. Все произошло в четверть пятого, Надежда машинально посмотрела на часы.

В эту минуту Надежда Николаевна снова почувствовала сильный зуд в корнях волос, что только подтверждало ее догадку – с этой газетой все не так просто, не зря Вероника Павловна как увидела ее, так и грохнулась на землю.

Кстати, надо бы узнать, как она, у Антонины Васильевны. Та всегда в курсе всех новостей.

На полях газеты неровным, торопливым почерком были написаны буквы и цифры: «Кузнец. 24–42».

Ну, ясно – это адрес доставки, написанный почтальоном. Кузнец. – наверняка Кузнецовская улица, на которой Надежда только что побывала, а 24–42 – несомненно, номер дома и квартиры. Надо же, столько лет прошло, а надпись карандашом хорошо сохранилась.

Надежда отметила про себя, что следует потом сходить по этому адресу. Хотя за прошедшие годы жильцы квартиры наверняка сменились, но, возможно, удастся найти хоть какой-нибудь след. Чей след, она пока не думала, просто отложила в памяти еще одно нужное дело.

Но это потом, потому что ни дом, ни квартира за день-другой никуда не денутся. А в первую очередь...

А в первую очередь нужно проверить, не уцелели ли остальные газеты. Ведь утром на тротуаре лежала целая стопка. Может быть, в них можно будет найти какое-то разумное объяснение странным событиям сегодняшнего дня?

Надежда Николаевна вспомнила, как сидела на стопке газет. Сколько там было? Да уж не меньше десятка. И если в каждой отыщется что-то интересное, все вместе они могут привести на мысль.

Но газеты в отличие от квартиры очень даже могли пропасть. Их могли выкинуть в мусорный контейнер, сдать в макулатуру, в конце концов, ветер мог их разнести по всему району... А значит, следовало поторопиться.

Надежда вышла во двор и направилась к яркому домику, внутри которого располагались мусорные контейнеры. Код от замка на двери домика знали все жильцы дома – дата рождения дворничихи Зинаиды. Она не так давно справляла пятидесятилетний юбилей, и жильцы, скинувшись, подарили ей плазменную панель.

Надежда набрала код и вошла в домик. Он был настолько большой, что кроме мусорных контейнеров в нем могло бы разместиться два-три трактора и снегоуборочный комбайн. Но делать это запрещалось, и большая часть помещения пустовала. Как говорила несравненная Антонина Васильевна по прозвищу Недреманное око: «Хоть танцуй».

Оглядевшись, Надежда сразу заметила в углу за контейнерами сложенные картонные коробки, которые Зинаида приготовила для сдачи в макулатуру, и среди них разглядела стопку пожелтевших от времени газет.

Тех самых, которые утром лежали на улице...

Надежда сложила их в предусмотрительно захваченную сумку, вышла из домика и прямо нос к носу столкнулась с Антониной Васильевной.

Глазастая соседка бросила взгляд на Надеждину сумку и тут же перевела его на самую Надежду, причем этот взгляд был очень выразительный: мол, что это ты, соседка, с помойки несешь?

– А я окна решила утеплить! – залопотала Надежда Николаевна. – Старый способ, меня еще бабушка учила... нарезаешь газеты узкими полосками, варишь клейстер и клеиваешь... в окна сразу дуть перестанет... теплее в квартире...

– Надя, ты что такое говоришь? – удивилась Антонина Васильевна. – У нас же во всем доме давно стеклопакеты! И если уж приспичило щели оклеить, есть специальный скотч, в любом канцелярском магазине продается. – Она сделала выразительную паузу и добавила: – Я же тебя ни о чем не спрашивала. Не хочешь говорить – не говори, но ерунду такую рассказывать не надо.

– Извините, Антонина Васильевна, – смутилась Надежда, – я рассказала бы, да пока и сама ничего не понимаю.

– Ну-ну...

Тут у Надежды хватило ума сменить тему разговора, и она поинтересовалась здоровьем Вероники Павловны. Антонина обстоятельно ответила, что сообщила все ее сыну, тот буквально через два часа приехал в больницу и тут же оформил матери отдельную платную палату. Кстати выяснилось, что никакой у нее не инфаркт, а просто сердечный приступ. Бывает, сказали врачи, все же возраст солидный. Так что подержат недельку и выпустят. Сын принес матери кое-что из вещей, а она очень просила очки для чтения, которые при ней были, но в суматохе куда-то подевались.

– Ой, они же у меня, на них бегемот Анатолия наступил! – спохватилась Надежда Николаевна.

– Так ты, Надя, завтра сходи в больницу. Сын Вероники Павловны сказал, что никак не сможет, у него суд начинается, а пропуск выписан. Так что утром можно зайти.

– Схожу! Вот мужа вечером на поезд провожу, а утром сразу в больницу!

С этими словами Надежда проскользнула в подъезд и ретировалась в свою квартиру.

Бейсик встретил ее в дверях, однако при виде хозяйки попятился, шерсть на загривке встала дыбом, а затем и вовсе скрылся в неизвестном направлении.

– Что это с тобой? – удивленно проговорила Надежда Николаевна вслед коту. – Собакой, что ли, эти газеты пахнут?

Если бы Бейсик мог, он покрутил бы лапой у виска. Какие собаки? Крысы! Не к ночи будут помянуты...

Надежда спрятала газеты на лоджии под пустовавшими сейчас цветочными ящиками и сосредоточилась на заботах о муже.

Сан Саныч вернулся пораньше, сытно поужинал, долго перебирал бумаги и кому-то звонил, а затем взял собранный Надеждой чемодан, поцеловал жену, сердечно простился с котом и отбыл на вокзал.

Надежда Николаевна тяжело вздохнула, уже зная, что будет скучать, и решила заняться делом.

Она отнесла газеты в кабинет мужа и разложила на полу. Всего их было семь, и все старые, примерно одного года выхода. Две газеты назывались так же, как первая, «Светлое завтра», еще две – «За передовую геодезию», а остальные три и вовсе невнятно – «К новым высотам».

Как бывший инженер, Надежда любила во всем строго системный подход. Поэтому первым делом взяла чистый лист бумаги и выписала на нем все семь газет, указав против каждого экземпляра его название, дату выпуска и адрес доставки. Сама еще не зная, что хочет найти, внимательно перечитала эти сведения... и тут же нашла очевидную несообразность.

Первая газета была выпущена пятого августа, вторая – первого января, третья – второго марта, а четвертая...

В выходных данных четвертой газеты была указана фантастическая дата – 13.21. Тринадцатое число несуществующего двадцать первого месяца...

Явно опечатка, подумала Надежда Николаевна. В советские времена за хорошую работу к Новому году иногда выплачивали тринадцатую зарплату, но это не значит, что в году появлялся тринадцатый месяц. А уж о двадцать первом и говорить не приходится...

Но версия с опечаткой просуществовала недолго, потому что в выходных данных следующей газеты стояли и вовсе уж несуразные цифры – 34.55. Тридцать четвертое число пятьдесят пятого месяца!

– Нет, это явно не даты! – проговорила Надежда Николаевна.

Кот, который, оказывается, уже давно проник в кабинет, привстал и удивленно посмотрел на хозяйку: с каких это пор она разговаривает сама с собой?

– С кем хочу, с тем и разговариваю! – отмахнулась от него Надежда, но больше не стала озвучивать свои мысли.

«Это не даты. Тогда что же?»

Для начала она поменяла газеты местами, расположив их по порядку возрастания сомнительных дат. Первой положила газету от первого января, второй – от второго марта, третьей – от пятого августа, и так далее. Потом выписала в одну строчку подозрительные цифры – 1.1; 2.3; 5.8; 13.21; 34.55 и, наконец, совершенно фантастические – 89.144 и 233.377.

Этот ряд цифр определенно ей что-то напоминал...

Надежда Николаевна несколько минут безуспешно пыталась вспомнить, что именно, но в голову ничего не приходило.

Тогда она решила отвлечься и заняться чем-нибудь другим, более полезным. Например, домашним хозяйством.

Вспомнив, что давно уже собиралась разморозить холодильник, она отправилась на кухню. Бейсик, естественно, увязался за ней и выразительно уставился на пустую миску.

– Как? Уже? – изумилась Надежда. – Я же буквально полчаса назад ее наполнила!

Кот возмущенно мяукнул: мол, и вовсе не полчаса! И вообще, у меня молодой, растущий организм, и меня нужно кормить семь... ну, в крайнем случае пять раз в день!

– Да уж молодой! – отмахнулась от него Надежда. – А витамины почему-то принимаешь для котов пожилого возраста.

Не обращая внимания на вконец разобидевшегося кота, она выдвинула нижний ящик холодильника и обнаружила давно забытый ананас. Она купила его неделю назад и хотела разрезать перед ужином, но отвлеклась и забыла.

«Это же надо – забыла про ананас!» – подумала Надежда, разглядывая экзотическую шишку, которая на одном конце начала уже немного подгнивать.

Узор из выпуклых ячеек на ананасе что-то ей напомнил... Тут она сложила два и два – и сразу вспомнила, что за цифры выписаны на листке.

Бросив ананас обратно в ящик, Надежда Николаевна захлопнула холодильник и помчалась обратно в кабинет мужа, чтобы проверить догадку.

Газеты по-прежнему лежали на полу, кот не успел до них добраться.

1, 1, 2, 3, 5, 8, 13, 21, 34, 55... – было выписано на листочке.

Ну да! Числа Фибоначчи!

Числовой ряд, изученный итальянским математиком Леонардо Пизанским по прозвищу Фибоначчи. Он ввел этот ряд, решая математическую задачу о количестве регулярно размножающихся кроликов.

Впоследствии многочисленные проявления этого ряда обнаружили в природе – в частности, в соответствии с числами Фибоначчи располагаются семена подсолнуха, сосновые шишки, лепестки некоторых цветов, листья деревьев и – внимание – ячейки на поверхности ананаса.

Поэтому подпортившийся ананас и навел Надежду на мысль о последовательности Фибоначчи, которую она изучала в институте, когда проходила курс математического шифрования.

Но что это значит? Это не может быть случайным совпадением. Вероятность такого совпадения для ряда из четырех чисел меньше одной тысячной, для ряда из семи чисел уже меньше одной миллионной, а дальше вообще стремится к нулю...

«Все-таки высшее техническое образование не проходит бесследно», – с удовлетворением подумала Надежда Николаевна.

Значит, тот, кто поместил числа Фибоначчи в выходные данные газет, ставил перед собой какую-то цель. Но какую?

Может быть, в этих газетах зашифрован какой-то текст, какое-то сообщение, и для кодирования использовали шифр на основе чисел Фибоначчи?

Надежда вспомнила, что в большинстве таких шифров первоначально выбирается только последний знак числа и дальше на основании новой последовательности строится выборка, при помощи которой можно прочесть зашифрованный текст.

Она выписала последние знаки из ряда Фибоначчи: 1, 1, 2, 3, 5, 8, 3, 1, 4, 5, 9...

Теперь нужно было найти только текст, из которого следовало выбирать соответствующие буквы... Однако что это за текст, Надежда не представляла.

Таким образом, у нее в руках был ключ, но она понятия не имела, какую дверь этот ключ открывает.

Зато теперь Надежда Николаевна точно знала, что столкнулась с очередной загадкой и не успокоится, пока ее не разгадает.

В ванной ее настиг звонок мужа. Он сказал, что поезд подошел вовремя, проводница симпатичная и сосед по купе с виду человек приличный и тихий. Надежда пожелала Сан Санычу счастливого пути, а он ей в ответ – спокойной ночи.

Кот уже занял свое место в кровати, чего Надежда, в общем, не одобряла, но сегодня решила смириться.

– Ладно уж, – она почесала его за ушами, – пока Саши нет...

Ночью ей снился странный сон: все числа Фибоначчи в образе людей в странной черно-белой форме выстроились в ряд, но Надежда знала, что они всё сделали неправильно, и замучилась, отыскивая ошибку. Поэтому утром, попивая кофе, она точно знала, что это дело так не оставит.

Вымыв оставшуюся после завтрака посуду, подметя пол и запустив стиральную машину, Надежда Николаевна на мгновение задумалась... и осознала, что сидит за столом перед теми же злополучными газетами.

Однако они не спешили открывать свою тайну, и Надежда решила начать с малого – найти те квартиры, куда эти газеты в свое время были доставлены.

Конечно, маловероятно, что почти через полвека в них живут те же самые люди, но чем черт не шутит?

Тут позвонила Вероника Павловна, и Надежда очень обрадовалась, что ей лучше.

– Как вы? – спросила она.

– Да ничего, – вздохнула старая адвокатша, – только скучно очень. Все есть, даже телевизор в палате, да что там смотреть-то? А читать без очков не могу.

– У меня ваши очки, собаченция Анатолия на них наступила, но не сломала, а только погнула.

– Принеси, Надя, а то я сыну говорила, где запасные лежат, а он не нашел.

– Да когда эти мужчины могут что-то найти? – поддакнула Надежда Николаевна. – Им все надо в руки положить и под нос подставить!

Вероника Павловна заметила, что хорошо бы прийти в больницу после двенадцати, а то с утра обходы и разные процедуры, спокойно поговорить не дадут. И Надежда решила, что у нее есть время кое-что поразведать.

На газете от первого января наискосок был написан адрес: Кузнец. 24–42, то есть Кузнецовская улица, дом двадцать четыре, квартира сорок два. Совсем рядом, так что, по крайней мере, много времени она не потеряет.

Надежда торопливо оделась и под осуждающим взглядом Бейсика покинула квартиру.

Кузнецовская улица и впрямь располагалась неподалеку, но оказалась очень длинной, и Надежда Николаевна шла по ней минут сорок, прежде чем увидела на очередном доме табличку с номером 22. По логике, следующий дом должен быть двадцать четвертый, тот самый, который искала Надежда... но не тут-то было!

Следом за двадцать вторым домом стояло какое-то непонятное строение без окон и дверей, на котором красовался номер 22-В.

Почему именно В?..

Надежда Николаевна прошла еще сотню метров – и оказалась рядом с блочной пятиэтажкой, на которой вообще не было номера. Зато перед этим домом стояла плотная широколицая тетка пенсионного возраста, чем-то неуловимо похожая на соседку Антонину Васильевну.

Надежда подумала, что эта женщина не может не знать номер дома, и задала ей соответствующий вопрос.

Женщина взглянула на нее неодобрительно и нехотя ответила, что этот дом – двадцать восьмой.

– Как двадцать восьмой? – удивилась Надежда. – Почему двадцать восьмой? А где же двадцать четвертый и двадцать шестой? Я с той стороны шла, там только двадцать второй и еще какой-то непонятный двадцать два В...

– Двадцать два В – это трансформаторная будка, – авторитетно сообщила незнакомка.

– Допустим, так и есть, а где же двадцать четвертый и двадцать шестой дома?

– А вам, женщина, какой нужен? Двадцать четвертый или двадцать шестой? Потому что двадцать шестого дома вовсе нет...

– То есть как – нет? Двадцать восьмой есть, а двадцать шестого нет? Разве так бывает?

– Выходит, бывает. Когда эту улицу застраивали, сделали неверные расчеты. По плану домов было больше, а когда построили – места не осталось... Для двадцать четвертого еще нашлось, а двадцать шестой даже строить не стали.

– А где же двадцать четвертый?

– Вы обойдите этот дом, там будут гаражи, а за ними пустырь. По этому пустырю идет тропинка, она вас как раз к двадцать четвертому дому и выведет.

Надежда Николаевна уже была не рада, что отправилась на поиски, но раз уж пошла – нужно довести дело до конца.

Она поскорее поблагодарила незнакомку и отправилась восвояси, не дожидаясь вопросов, для чего ей нужен двадцать четвертый дом, кто у нее там – родственники или просто знакомые, а если знакомые, то отчего же она понятия не имеет, где они живут... А если идет по делу, то, откровенно говоря, этот дом такой, что у приличного человека там и дел никаких быть не может.

Женщина уже открыла рот, чтобы задать все эти вопросы, но Надежда благодаря многолетним тренировкам с Антониной Васильевной уже обогнула дом и действительно увидела десяток старых железных гаражей, возле которых большая мужская компания темпераментно обсуждала достоинства какого-то известного футболиста. Мужички покосились на Надежду неодобрительно – видно, это была их территория и женщинам вход сюда был запрещен.

За гаражами раскинулся пустырь, через который тянулась узкая тропинка. Пройдя по ней, Надежда Николаевна вскоре вышла к мрачному шестиэтажному зданию из темно-красного кирпича, возле которого посреди тротуара стоял человек лет сорока в изящном черном пальто, застегнутом не на ту пуговицу. Из-под пальто выбивался темно-синий галстук с жирным пятном на самом видном месте. Мужчина смотрел перед собой бессмысленным оловянным взором и что-то тихо бормотал.

Услышав шаги Надежды, он вздрогнул, очнулся и обратился к ней:

– Женщина, дорогая женщина! Представьте, со мной случился такой казус: вчера я немного выпил...

– А мне кажется, много! – возразила Надежда, задержав дыхание и пытаясь обойти незнакомца.

Однако, он загородил ей дорогу и продолжил:

– Вы правы, наверное, я много выпил. Но дело не в этом. Дело в том, что сегодня мне не на что опохмелиться. Я вижу, вы добрая, внимательная женщина и не сможете пройти мимо чужого несчастья...

– Ну, по крайней мере, честно! – усмехнулась Надежда Николаевна.

В эту минуту из-за угла выбежал дворник, вооруженный уличным пылесосом, и бросился на мужчину в галстук, направив на него мощную струю пыльного воздуха.

– Пошел вон, шайтан! – закричал он. – Сколько раз тебе говорил – не попрошайничай здесь!

Мужчина в галстук ойканул, взмахнул руками и умчался, как будто его сдуло струей воздуха.

Дворник проводил его взглядом и проговорил:

– И вот так каждый день! Гоню его, гоню, а он снова появляется! И ведь народу-то никого, а если кто пройдет, так все равно ему ничего не даст. А его сюда как магнитом тянет...

С этими словами он пошел дальше, сметая воздушной струей мусор и сухие листья.

Надежда подошла к дому и стала изучать список квартир возле подъезда. Список оказался странным, каким-то беспорядочным. На первом этаже располагались квартиры 2 и 4, на втором – 3, 5 и 6, на третьем – 8, 9 и 11, на четвертом – 12, 13 и 15, на пятом – 10 и 14, и, наконец, на шестом – всего одна квартира под номером 17.

Квартиры 1, 7 и 16 отсутствовали.

Это показалось Надежде странным, но так как ее интересовала только квартира 42, которой в этом подъезде точно не было, она отправилась на поиски других подъездов.

Второй подъезд Надежда Николаевна нашла без труда, но искомой квартиры там не оказалось.

Значит, она должна находиться в третьем подъезде, логично предположила Надежда, однако третьего подъезда и вовсе не нашла, хотя обошла дом по часовой стрелке и на всякий случай в обратном направлении. Зато нашла прежнего дворника. На этот раз он был без пылесоса и кормил с руки тощую трехцветную кошку.

– Женщина, что это вы все ходите и ходите? – проговорил дворник, покосившись на Надежду. – Здесь не парк и не спортивный зал, здесь просто так ходить не положено! Или заходите в дом, или уезжайте прочь!

Надежда Николаевна хамство терпеть не могла, тем более такого немотивированное, и постоять за себя всегда умела, несмотря на интеллигентность и бабушкино воспитание. Вот что она этому дворнику сделала? Тоже мне, секретный объект! Но достойно ответить дворнику в данном случае было никак нельзя: дело прежде всего. Поэтому Надежда скроила самую покорную физиономию и вздохнула:

– Я бы зашла, да не могу найти нужную квартиру. У вас здесь все номера перепутаны.

– Это точно, дом старый, порядка нет! – Дворник ожидал, что она начнет ругаться, и уже приготовил достойный ответ, но поскольку Надежда Николаевна выглядела смиренно, сменил гнев на милость. – А вам, женщина, какая квартира нужна?

– Сорок вторая.

– Сорок втора-ая? – переспросил он с какой-то явно неодобрительной интонацией. – А зачем это вам сорок вторая квартира понадобилась?

– А вы почему спрашиваете? Понадобилась, значит, понадобилась! – Надежда все-таки рассердилась на любопытного дворника. – Вы мне лучше скажите, где эта квартира находится.

– Где надо, там и находится! – отрезал тот, поджав губы. – Если вы не хотите сказать, зачем она вам нужна...

«Ну и характер!» – подумала Надежда Николаевна, однако, не желая возвращаться ни с чем, пару раз глубоко вдохнула-выдохнула и проговорила примирительным тоном:

– Ну, не обижайтесь, пожалуйста. Мне письмо пришло по ошибке, на нем адрес написан: Кузнецовская, двадцать четыре, квартира сорок два. Вот я и пришла это письмо отдать.

Отчего-то ей не хотелось говорить, что дело не в письме, а в газете сорокалетней давности.

– Ах, письмо! – Взгляд дворника потеплел. – Если письмо, тогда ладно. А то я подумал, что вы туда на вечеринку пришли.

– На вечеринку? – переспросила Надежда Николаевна. – Так, значит, квартира с таким номером все же есть, если там вечеринки устраивают?

– То-то и оно, что вечеринки устраивают, а квартиры нет! – замогильным голосом проговорил дворник.

– Как так? Я уже ничего не понимаю.

– И никто не понимает! В том-то и дело.

Дворник убедился, что смог произвести на Надежду сильное впечатление, и продолжил, понизив голос:

– Лет сорок назад, здесь появился странный человек. Почти каждый день приходил в этот дом, а в какую квартиру – никто не знал. А ведь это непорядок, правда?

Надежда Николаевна на всякий случай кивнула.

– А когда дворник его спросил, из какой он квартиры, тот ответил, что из сорок второй. Ну ладно... Потом к нему гости стали приходить – все из себя, в черных костюмах, в длинных платьях. Если их спрашивали куда, отвечали: в сорок вторую! На весь дом музыка, шум, как будто где-то гулянка, а где именно – понять невозможно! Всю ночь шумят, а под утро расходятся! Понятно теперь, кто это такой?

– Нет, не понятно, – честно ответила Надежда.

– Шайтан! – гордо заявил дворник. – Черт, если по-вашему.

– Ну а чем все закончилось?

– А ничем. Гости перестали к нему ходить, гулянки эти ночные прекратились, а потом и сам он пропал.

Надежда Николаевна мысленно усмехнулась. Вроде бы этот дворник не производил впечатления умалишенного. Ну, скучно человеку, вот он и болтает всякую ерунду, раз слушатель нашелся. И то сказать, не с кошкой же ему разговаривать? Нет, надо отсюда уходить, причем как можно быстрее.

– Значит, точно в этом доме нет сорок второй квартиры? – уточнила она напоследок.

– Куда уж точнее! Мне ли не знать, какие квартиры здесь есть, а каких нет.

На обратном пути Надежда Николаевна принялась размышлять об истории со старыми газетами, которая обрастала все новыми и новыми странными подробностями. Дорожно-транспортное происшествие, один в один повторяющее описанное в газете. Несуществующий адрес

доставки. Вероника Павловна, схлопотавшая сердечный приступ, едва увидев одну из этих газет...

Кстати, нужно навестить ее в больнице, а заодно узнать, что именно произвело на нее такое сильное впечатление...

В больнице царили обычная суета и умеренное хамство, но Надежда Николаевна, минуя общую справочную, отправилась напрямик в платное отделение. Там по ошибке ее отправили в другой корпус, где сердитый охранник сказал, что пропуска к Веронике Павловне нет. Пришлось снова идти в справочное, и после долгих мучительных уговоров и пререканий Надежде выдали заветный картонный квадратик.

– Пускаем только родственников! – сказал насупившийся охранник. – Вы ей кто?

– Дочка! – не моргнув глазом соврала Надежда Николаевна, и охранник, как ни странно, отстал.

В отделении было потише и почище, все сестры были довольно приветливы, так что она сразу нашла нужную палату.

Увидев Надежду, Вероника Павловна очень обрадовалась, но не столько самой посетительнице, сколько очкам.

– Это же просто с ума сойти, что по телевизору показывают! – начала жаловаться она.

– Просто вы давно его не смотрели, отвыкли, – усмехнулась Надежда Николаевна.

На вопрос о своем самочувствии Вероника Павловна ответила уклончиво, мол, все согласно возрасту, но, заметив недоверчивый взгляд Надежды, вздохнула и покорила судьбе.

– Ох, Надя, все я про тебя знаю, тебя хлебом не корми, только дай какую-нибудь криминальную загадку разгадать.

– А есть загадка? – Надежда Николаевна вроде бы невзначай достала из сумки ту самую газету и разложила ее на кровати.

– Как не быть... – Вероника Павловна помолчала. – Ладно, скажу. Терзает меня эта история...

Она развернула газету и нашла на третьей странице черно-белую фотографию довольно плохого качества. Надежда едва разобрала, что на ней изображено. А изображена была стена дома с большим, красивой формы окном. Стало быть, не какая-нибудь пятиэтажка на окраине города. Возле дома стояли несколько человек, в основном пожилые – самые обычные, скромно одетые. В сторонке виднелась группа детей. У одного из мужчин был открыт рот и поднята рука – стало быть, речь говорил. Неподалеку стоял мужчина попроще, почему-то с молотком наперевес.

Надежда наклонилась и прочитала подпись под снимком:

– «Вчера в нашем городе была открыта мемориальная доска, которая увековечит память нашего замечательного соотечественника академика Шаргородского».

Доска была видна не полностью: «В этом доме с 1958 по 1981 годы жил и... ..к Иван Петрович Шаргородский».

Вот почему один из мужчин был с молотком – доску прибывал, а тот, что на первом плане, наверное, мелкое начальство, ему по должности положено на таких мероприятиях присутствовать. А те, которые позади, судя по всему, пенсионеры из какого-нибудь клуба при жилконторе. И пионеров еще пригнали. Судя по всему, академик Шаргородский умер давным-давно, так что никаких соратников, коллег и учеников уже не осталось.

– И что? – Надежда оторвалась от созерцания снимка и повернулась к Веронике Павловне. – В чем, как говорится, подвох?

– А ты на окно посмотри!

И действительно, из окна выглядывал какой-то мужчина, верно, жилец, заинтересовавшийся происходящим. Он был молод, лет тридцати на вид, но совершенно лысый. Что ж, дело житейское, бывает, что и в двадцать лет люди лысеют.

– Слушай, – вздохнула Вероника Павловна, – около сорока лет назад было у меня дело... Не первое, конечно, но вела я его одна и потратила много сил. На несколько месяцев как села в процесс, так больше ничем вообще не занималась. Сын до сих пор мне то время вспоминает, в жизни, говорит, столько сосисок не ел! Тогда ведь еду в ресторане нельзя было заказать, на дом ничего не приносили и с продуктами было плохо.

– Да помню я... Все детство в очередях прошло...

– В общем, дело было резонансное – убийство на почве ревности. То есть моему подзащитному вменяли убийство из ревности, но он утверждал, что не виноват и жену свою не убивал. И взялась я его защищать...

Вероника Павловна снова замолчала, вглядываясь в далекое прошлое.

– Этому Журавлику – такая фамилия необычная – было двадцать восемь лет, но женаты они были уже лет шесть, тогда рано женились...

«Мне ли не знать, – мысленно усмехнулась Надежда. – Сама в двадцать два года замуж выскочила. А почему? По глупости. Жизни не знала, в человеке не разобралась, вот и не получилось у нас ничего. Нет, то есть Алена, конечно, получилась, хорошая выросла, и внучка уже есть...»

– Ты слушаешь? – вторглась в ее мысли Вероника Павловна.

– Извините... – Надежда Николаевна призвала себя к порядку. Может, Вероника Павловна и очень пожилая, и давно не работает, но выучка и опыт никуда не делись, так что она сразу чувствовала настроение собеседника.

– Значит, дело было так. Жили они сначала с родителями жены, потом те построили молодым кооперативную квартиру. Детей у них не было. Вроде бы и хотели, но ждали, когда квартирные условия улучшатся. А как улучшились, тут и начали они ссориться. Во всяком случае, так подруга убитой рассказывала, но в показаниях путалась и вообще была настроена против моего подзащитного. Все произошло под Новый год. Жену Журавлика нашли соседи. Утром первого января проспались, смотрят – дверь открыта. Сразу зайти постеснялись, потому что дом новый, друг с дружкой мало кто знаком... А как зашли – так и обалдели. Женщина лежала на кровати вся в крови, ей нанесли шесть ран ножом, две смертельные. Остыла уже, конечно. Потом в заключении написали, что смерть наступила в ночь с тридцать первого на первое. Ну, стали расследовать это дело. Опросили соседей, кто что слышал, но в новогоднюю ночь что можно услышать? Может, и кричали из квартиры, и мебель падала, только внимания не обратил – празднуют люди. Ну, конечно, первый подозреваемый всегда муж. Хватились, а его нет. Два дня искали, а потом сам появился. Не успел к дому приблизиться, как его взяли. Он ничего не понимал, спрашивал, что случилось. Оказалось, к матери он ездил, в Калинин, уехал поездом в ночь на тридцать первое, там Новый год встретил, на второе января отгул взял, раньше ведь только первого отдыхали, и третьего утром явился. Ну, конечно, взяли его в оборот, тем более других подозреваемых не было. Он на своем стоит, билеты туда и обратно предъявляет. А подруга жены на него наезжает по полной программе. Жена, дескать, с ним разводиться собиралась, они, говорит, совсем разные, детей нет, ничего их не связывало. А парень не спорит – да, говорит, жили в последнее время не очень дружно, оттого и уехал к матери, чтобы с родным человеком посоветоваться, как дальше быть.

– А вы ему верили? – спросила Надежда.

– Ну, Надя, адвокат ведь не словам верит, а фактам. А факты таковы, что билеты он предъявил и проводница в поезде его опознала, дала показания, что подсел он в Калинин точно. Мать, конечно, тоже спрашивали, но ее показаниям суд не поверил бы, мать что угодно скажет, лишь бы сына спасти. А Журавлик как приехал тридцать первого утром, так и застрял

у матери в квартире. Друзья, одноклассники бывшие его звали, но он к ним даже не вышел, мать с ними разговаривала. Сказала, что приехал очень расстроенный из-за жены: дескать, она ему твердо заявила, что после праздников подаст на развод и якобы есть у нее на примете кто-то получше. Как Журавлик мне потом объяснил, стыдно ему было перед друзьями появляться, что он таким рохлей оказался, а врать не хотел. В общем, видела его только соседка по площадке, когда забежала к матери перед Новым годом не то за солью, не то за уксусом.

В палату вошла сестричка, принесла лекарства, проверила что-то и ушла.

– Ну, вышли мы на процесс, – продолжила Вероника Павловна, – прокурор мне сказал, что дело верное, и велел не пытаться доказать невиновность подзащитного, а только побеспокоиться, чтобы ему срок скостили. Ну, убийство из ревности, от пяти до восьми, он, прокурор, будет требовать восемь из-заотягчающих обстоятельств – все же шесть ножевых ран, а я должна упираться на то, что человек молодой, под следствием ни разу не был, характеризуется со всех сторон положительно, так что суд это учтет и даст пять лет. А там, может, и по досрочному выйдет, как получится... Я тогда спорить не стала, прокурор был старый, маститый, все его боялись, но на процессе все сделала по-своему.

Вероника Павловна закашлялась и махнула Надежде рукой, чтобы подала ей бутылку воды, стоявшую на столике.

– Я тот процесс запомнила на всю жизнь, – продолжила она, переведя дух. – Коллеги мне советовали прокурора послушаться, потому что, откровенно говоря, противный был мужик и очень злопамятный. В случае проигрыша мог здорово мне жизнь подпортить. И если честно, помогло мне то, что следствие очень плохо провели. Они, понимаешь, как узнали, какой прокурор будет на процессе, так и расслабились, потому что у него проколов не бывает. Следователь кого допросил? Соседей по дому, а дом, как я уже говорила, новый, никто никого толком не знал, так, здоровались просто друг с дружкой. Может, и ссорились супруги, только дома, на лестницу не выбегали и на балконе не орали. Родителей убитой, конечно, допросили. Они-то, конечно, настроены были против парня, но ничего определенного сказать не могли. Когда все вместе жили, молодые не ругались, Журавлик этот парень вежливый, теще по хозяйству помогал, и все соседи это подтвердили. Далее следователь опросил нескольких знакомых жены. С другим мужчиной ее никто не видел, и она никому не говорила, что у нее кто-то есть.

– Умная, стало быть, была, – усмехнулась Надежда Николаевна, – лишнего подружкам не болтала...

– А может, и не было у нее никого. Про другого мужчину знали только со слов ее закадычной подружки, она якобы была в курсе, но лично того мужчину не видела. Ну, подружку-то я на суде разделала под орех, – довольно усмехнулась Вероника Павловна. – Там, понимаешь, такая история. Дружили они все давно, еще с института, учились в одной группе. И вначале Журавлик вроде как с этой подружкой стал встречаться. Так, ничего особенного, и все же... Короче, если бы что серьезное было, то после замужества жена Журавлика не стала бы с этой подружкой отношения поддерживать. Ну я не поленилась, расспросила их бывших одногруппников, и одна девица вспомнила, что застала как-то эту подружку в слезах и та ей призналась: мол, обидно, что не ее парень предпочел.

– Дело житейское, – Надежда пожала плечами, – с кем по молодости такого не было.

– Верно, – согласилась Вероника Павловна, – про это и забыли уж все. Но мне-то нужно было парня защитить. Вот я и напомнила подружке в суде ту историю. Дескать, не потому ли она так настроена против обвиняемого, что когда-то давно, лет десять назад, он ее бросил и на другой женился?

– Жестко, – заметила Надежда Николаевна.

– А ты как думала? Мне надо было дело выиграть. В общем, здорово я на нее наехала, она и не выдержала – стала рыдать, кричать что-то несусветное... в общем, судья поняла, что свидетель она ненадежный. Дальше: орудие преступления – обычный кухонный нож – не нашли,

его в квартире не оказалось. Следов крови на одежде подозреваемого тоже не было, так что судья даже на доследование дело не отправила и прямо в зале суда обвиняемого оправдала.

– Фантастика!

– Да, бывало раньше и такое, но редко. – Вероника Павловна вздохнула. – С тех пор дела мои пошли в гору. Дело-то было резонансное, про него даже в газетах писали, хоть тогда старались о жестоких убийствах помалкивать, чтобы народ зря не пугать. Коллеги меня зауважали – еще бы, такого прокурора переиграла! Правда, сам он после суда приватно мне высказал, что зря я это сделала, что у него за много лет нюх на преступников и про этого Журавлика он точно знает, что он – убийца.

– А вы?

– Да что я? Не стала ничего ему отвечать, подумала, что старик исключительно от обиды такое говорит, проиграл молодому адвокату, да еще и женщине.

– А Журавлик этот?

– Спасибо сказал, гонорар заплатил, да и все, исчез с моего горизонта. А меня другие дела захватили, семья опять же, сын... Годы летели, а я нет-нет, да и вспоминала то дело.

– А прокурор вам не мстил потом?

– Может, и хотел, да только его через два месяца инсульт разбил. Ну, немолодой уже был, нездоровый образ жизни вел, выпивал, опять же... Короче, когда его наконец выписали из больницы, то с работы вежливо попросили. – Вероника Павловна разглядила газету у себя на коленях. – А теперь представь, что я почувствовала, когда этот снимок увидела? У меня аж в глазах потемнело! Ведь это значит, что тогда, тридцать первого декабря днем, он был в Ленинграде! А на суде утверждал, что в ночь на тридцать первое уехал к матери и до второго января пробыл там! То есть его алиби, на котором я построила защиту, летит к черту!

– А вы не могли ошибиться? – осторожно спросила Надежда. – Все-таки столько лет прошло.

– Намекаешь, что я все перепутала и ничего не помню? Зря. Я свой возраст не скрываю, конечно, и память уже не та, порой забываю, куда счет за электричество положила. Но что касается прежних дел, то все тут, – Вероника Павловна постучала себя по лбу. – Так что этого Журавлика я отлично помню, он это.

– И надо же, как его случайно фотограф застал... – задумчиво проговорила Надежда Николаевна, – и газета у нас во дворе случайно оказалась. Какое совпадение...

Она решила пока не говорить про вчерашний инцидент с машиной и Марфой Петровной.

– И что вы теперь собираетесь делать?

– А что теперь делать? – вздохнула Вероника Павловна. – Как бы то ни было, а срок давности существует. Так что Журавлику этому ничего не грозит. Да и жив ли он вообще? Но для себя я хочу это дело прояснить, тем более что связи у меня остались.

– А убийцу тогда так и не нашли?

– Этого я не знаю, – сухо ответила Вероника Павловна. – Мое дело было – человека защитить, а убийцу найти другие должны были. В общем, я все непременно выясню, и насчет того дома, откуда этот Журавлик выглядывал, тоже.

– Это и я могу выяснить, – фыркнула Надежда, – не нужно занятых людей привлекать.

Она набрала в смартфоне «академик Иван Петрович Шаргородский» и тут же получила исчерпывающую информацию: родился тогда-то, а умер тогда-то, очень многое сделал для отечественного машиностроения, на доме четыре по Большой Монетной улице, где когда-то жил, установлена памятная доска.

– Вот, смотрите, и доска до сих пор висит. Умели делать вещи в Советском Союзе, что и говорить.

– Она гранитная, что ей сделается...

На этом Надежда ушла, оставив газету Веронике Павловне.

На выходе из больницы ее застал звонок мужа, который сообщил, что доехал благополучно, номер в гостинице вполне приличный, из окна не дует, табаком застарелым не пахнет и постельное белье не влажное, и даже поздним завтраком накормили.

– А ты, Надя, где находишься? – спросил он в конце разговора.

Надежда хотела удивиться и ответить, что дома, потом решила сказать, что бегает по магазинам, но в самый последний момент сообразила, что Сан Саныч может услышать посторонний шум и сирену с улицы, и ответила честно: навещает в больнице Веронику Павловну. Муж Веронику Павловну знал и уважал, так что просил передать ей привет и пожелание скорейшего выздоровления.

Вернувшись домой, Надежда Николаевна столкнулась на лестнице с соседом Димкой, с которым ее связывали самые теплые отношения. Надежда помогала Димке с математикой, а он в благодарность за это решал ее компьютерные проблемы, а в более сложных случаях обращался к своему знакомому, компьютерному гению по имени Боб.

Сейчас Димка несся по лестнице, перескакивая через две ступени, и едва не сбил Надежду с ног.

– Ты куда так летишь? – остановила его Надежда Николаевна.

– Ой, тетя Надя, это вы? – Димка смутился. – Извините, я вас не заметил! Мне нужно успеть... представляете, сейчас можно будет солнечное затмение наблюдать, я хочу сделать несколько снимков... это такое редкое явление на нашей широте!

– Солнечное затмение? – удивленно переспросила Надежда. – Ведь сейчас солнце всю светит!

– Ну и что? – Димка взглянул на нее с удивлением. – Пока светит, а через семь минут перестанет светить! Затмение продолжится всего несколько минут! Редчайшее явление, первый раз за девяносто лет! Так что идите скорее, вы тоже сможете увидеть. Только не забудьте темные очки надеть.

Надежда Николаевна отпустила Димку и заторопилась – солнечное затмение и правда явление редкое.

Войдя в квартиру, она первым делом бросилась на поиски темных очков. Последний раз Надежда их видела прошлым летом, когда, вернувшись с мужем из поездки в Солнечное, положила в ящик письменного стола...

Она выдвинула ящик, заглянула в него... однако очков там не оказалось.

Кот с интересом следил за действиями хозяйки.

– Бейсик, ты, случайно, не знаешь, где мои темные очки? – на всякий случай спросила Надежда.

Тот в ответ посмотрел на нее с недоумением и только что не повертел лапой у виска.

– Но я же точно помню, как положила их в ящик стола... – в задумчивости протянула Надежда Николаевна.

Кроме нее их никто не мог взять. Так где же они?

И тут ее осенило – ведь выдвижные ящики есть не только в письменном столе, но и в кухонном!

Правда, кому придет в голову убирать очки в кухонный стол?..

Бейсик тем временем начал волноваться, шерсть на загривке поднялась дыбом. Прижав уши, он жался к ногам хозяйки и тоненько мяукал.

Прежде Надежда видела у кота такую реакцию только один раз – когда носила его в ветеринарную клинику на прививку, а там рядом с ним оказался огромный бордоский дог.

– Бейсик, что с тобой? – озабоченно спросила она.

Кот жалобно мяукнул и взглянул на хозяйку очень красноречиво – мол, страшно мне, хотя сам не понимаю почему.

Оставив на время вопрос с Бейсиком открытым, Надежда Николаевна устремилась на кухню, выдвинула один ящик, второй... И только в третьем обнаружила темные очки – они лежали на самом дне, между миксером и деталями от мясорубки.

Надежда обрадовалась и, надев их, бросилась к окну – благо, именно из кухонного окна был хорошо виден ослепительный солнечный диск. Солнце сияло так ярко, что даже в темных очках глаза заболели и начали слезиться. Надежда проморгалась и увидела, что с одной стороны у солнечного диска появилась бархатно-черная окантовка, которая на глазах стала расширяться, постепенно захватывая солнце.

В это время Бейсик в ужасе завыл и юркнул под диван.

– А, так ты затмения испугался! – сообразила Надежда Николаевна. – Надо же, ты почувствовал его за несколько минут до начала! Ну не бойся, это ненадолго!

Из-под дивана донеслось недоверчивое подвывание.

Тем временем черный край быстро расширялся, занимая все большую часть солнечного круга, и Надежда вспомнила детское стихотворение:

Горе! Горе! Крокодил
Солнце в небе проглотил...¹

Стало заметно темнее, за окном задул сильный ветер, раскачивая верхушки деревьев.

Бейсик выл под диваном уже в полный голос.

– Не бойся, это ненадолго... – повторила Надежда, но уверенности в голосе не было. Ей и самой стало как-то тревожно и неприятно на душе.

Хотя она и знала, что затмение продлится всего несколько минут, у нее было тоскливое чувство, будто солнце уходит навсегда... Она представила, что переживали древние люди, которые первый раз сталкивались с подобным явлением и не знали, чем оно вызвано.

Тем временем темнота поглотила большую часть солнечного диска... почти весь диск... и наконец солнце исчезло, закрытое темным кругом. Стало темно, как глубокой ночью. Ветер затих, даже птицы за окном замолкли, и воцарилась тревожная тишина, в которой слышался только испуганный голос кота.

Через несколько секунд у темного диска появился узкий светлый краешек, который начал быстро расширяться. Становилось все светлее и светлее, и в конце концов солнечный диск снова ослепительно засиял.

Запели птицы, ожили ветки на деревьях, и из-под дивана вылез сконфуженный Бейсик. Смущенно посмотрев на хозяйку, он принялся сосредоточенно умываться. А на Надеждин насмешливый взгляд ответил таким же весьма выразительным взглядом: «Да ничего я не испугался! Просто играл в прятки сам с собой!»

Надежда Николаевна убрала темные очки (на этот раз в ящик письменного стола) и снова разложила перед собой злополучные газеты, чтобы еще раз их просмотреть.

На первой странице одной из газет она обнаружила заметку следующего содержания:

Вчера жители нашего региона могли наблюдать редкое астрономическое явление – полное солнечное затмение. Это действительно редкое событие – последний раз полное солнечное затмение на широте нашего города произошло девяносто лет назад...

Надежда в изумлении уставилась перед собой, вспомнив слова Димки, который тоже ей сказал, что в нашем регионе затмения не было девяносто лет...

---

¹ К.И. Чуковский. Краденое солнце.

На всякий случай она проверила выходные данные и убедилась, что газета была напечатана сорок лет назад.

Никак не сходится!

А если добавить к этому и другие странности...

Надежда Николаевна взяла себя в руки и продолжила изучать газеты. В следующем номере ее внимание снова привлекла заметка в разделе «Происшествия».

Вчера около шестнадцати часов на углу улицы Трубоукладчиков и проспекта Станкостроителей случилось трагическое происшествие.

Сильный ветер сломал большой старый тополь, который упал и нанес тяжелые травмы стоявшему под ним служащему Горснаббюта Семену Семеновичу Захарову. Хотя машина «скорой помощи» прибыла своевременно, от полученных травм Семен Семенович скончался по дороге в больницу.

И снова Надежда ощутила знакомое покалывание в корнях волос... А что, если и трагическая смерть Семена Семеновича Захарова еще только приближается?

Ветер за окном становился все сильнее и сильнее. Деревья раскачивались, как матросы в шторм. Надежда Николаевна взглянула на часы – самое начало четвертого... А что, если она может предотвратить смерть человека?

Чушь, конечно, тут же одернула себя Надежда. Фантастика какая-то. А что, если человек все же погибнет? Она же себе этого никогда не простит! Могла спасти человеческую жизнь – и не спасла...

Пока еще не поздно!

Надежда отбросила колебания, торопливо оделась и выскочила на улицу... К счастью, почти сразу ей попалось свободное такси.

Плюхнувшись на сиденье, она выпалила:

– Угол Трубоукладчиков и Станкостроителей!

– Это где же такое? – спросил водитель.

– Понятия не имею! – отрезала Надежда. – Только скорее, пожалуйста!

– Ну скорее так скорее... навигатор найдет... – И водитель устремился к заданной цели.

Было уже без пяти минут четыре, когда водитель затормозил и повернулся к Надежде Николаевне:

– Приехали! Вот они, Трубоукладчики – Станкостроители. По крайней мере, так навигатор говорит.

Надежда поблагодарила его и выскочила из машины.

На углу улиц, неподалеку от остановки общественного транспорта, действительно рос огромный старый тополь, под которым в ожидании автобуса из стороны в сторону расхаживал мужчина средних лет в пальто с поднятым воротником, то и дело поглядывая на часы.

Ветер завывал в ветвях тополя, и старое дерево раскачивалось с угрожающим скрипом. Вот оно начало крениться... и Надежда, бросившись к одинокому мужчине, с наскока толкнула его в сторону от тополя.

От неожиданности мужчина потерял равновесие, качнулся и упал на тротуар. В это самое время из-за угла показался автобус, притормозил возле остановки, но поскольку там никого не было и выходить никто не собирался, снова набрал скорость и уехал.

Мужчина поднялся на ноги и выверился на Надежду:

– Женщина, вы с ума сошли? Вы что себе позволяете?

– Простите, но я боялась, что на вас упадет дерево... – виновато залепетала Надежда

Николаевна.

– Какое еще дерево? – зло выдохнул мужчина.

– Вот этот тополь... – Она показала на огромное дерево, которое, как будто издеваясь над ней, перестало раскачиваться.

– Да этот тополь тут сто лет стоял и еще столько же простоит! – огрызнулся мужчина. – А я из-за вас автобус пропустил, а следующий только через полчаса будет... теперь вот на работу опоздаю... и пальто испачкал... У меня смена начинается в шестнадцать тридцать, мне опаздывать никак нельзя!

– Простите, Семен Семенович... – проговорила Надежда, вспомнив имя пострадавшего из таинственной газеты. – Я хотела как лучше...

– Как лучше! – передразнил ее собеседник, безуспешно пытаясь отчистить пальто. Но тут до него дошло, что странная женщина назвала его по имени-отчеству, и он подозрительно спросил: – Мы с вами знакомы? Вы что, вместе со мной работаете? Но я вас не помню... Вы из бухгалтерии или из отдела кадров?

– Нет, мы незнакомы... – смущенно ответила Надежда Николаевна. – Дело в том... это очень сложно объяснить... понимаете...

Тут она представила, как расскажет этому человеку про старую газету, в которой описан трагический инцидент с его участием... нет, тогда он точно убедится, что она сумасшедшая!

– Это очень сложно объяснить, – растерянно повторила Надежда и замолчала.

Семен Семенович окинул ее уничтожающим взглядом и пошел прочь – подальше от этой ненормальной, причем его спина очень выразительно говорила все, что он о ней думает.

По дороге он вспомнил, что невдалеке, рядом со строящимся домом, есть остановка другого автобуса. На нем тоже можно доехать до работы, хотя и на двадцать минут дольше. Но выбирать не приходилось... Пройдя пару кварталов, он остановился возле забора, огораживающего стройплощадку с подъемным краном, и взглянул на часы. Если автобус придет в ближайшие пять минут, он еще вполне может успеть. Если же нет... начальник будет очень недоволен! А когда начальник недоволен...

Семен Семенович смотрел в конец улицы, откуда должен был появиться автобус, поэтому не заметил, как стрела подъемного крана начала поворачиваться, а висевший под ней бетонный блок закачался. Внезапно одна из строп, которыми он крепился к стреле, лопнула. Несколько секунд блок висел на трех стробах, но и они, не выдержав увеличившейся нагрузки, тоже лопнули одна за другой.

Огромный блок полетел вниз и со страшным грохотом обрушился на автобусную остановку, где в волнении ждал своего автобуса несчастный Семен Семенович. В последнее мгновение он успел поднять глаза, увидел несущуюся на него бетонную плиту и подумал, что на работу можно уже не торопиться...

Услышав грохот, Надежда Николаевна повернулась и увидела бетонный блок, обрушившийся на то место, где только что стоял Семен Семенович. Самого мужчины не было видно, только облако цементной пыли поднималось над остановкой...

Надежда схватилась за сердце, а потом почувствовала, что земля буквально уходит у нее из-под ног. Чтобы не упасть, она прислонилась к злосчастному тополю, который, надо сказать, оказался вообще ни при чем, и с содроганием смотрела, как пыль тихо оседает на асфальт. Да уж, после такого вряд ли кто выживет...

Это что же выходит – вместо того, чтобы спасти человека от неминуемой смерти, Надежда буквально подтолкнула его к краю пропасти? Если бы не она, если бы не ее вмешательство, Семен Семенович был бы жив и здоров, успел бы на автобус и ехал бы сейчас на работу...

К остановке, а точнее, к тому, что от нее осталось, уже бежали люди – несколько рабочих в строительной униформе и мелкий начальник в аккуратной куртке и оранжевой каске. Столпившись вокруг упавшего блока, они горячо о чем-то заговорили, перемежая свои слова неп-

чатными выражениями. Судя по бурной жестикуляции, суть их дискуссии сводилась к двум традиционным вопросам – что делать и кто виноват. Или в обратном порядке.

Среди этих обескураженных мужчин Надежда Николаевна заметила единственную женщину, видимо, случайно проходившую мимо. Средних лет, в темно-синем пальто с высокой прической, модной лет сорок назад среди некоторых ответственных дам. В народе такую прическу так и называли: «Хала директорская». Надежда вспомнила, что такую «халу» носила директриса школы, в которой она училась до девятого класса, и была та баба такая злобная и противная, каких еще поискать. Извела молодую литераторшу и добилась отчисления из школы двух мальчишек, которые пририсовали к портрету Ленина, висевшему в ее кабинете, пышную шевелюру и усы. Двух идиотов нужно было просто выпороть, директриса же устроила из мелкого хулиганства политическое дело с вызовом родителей на педсовет и приездом чиновницы из РОНО. Кстати, чиновница оказалась такой же сволочью, так что у отца одного из парней были потом крупные неприятности. Надежда до сих пор содрогалась, вспоминая, как орала директриса и трясла своей прической. И до того высоченная была эта «хала», что никакая шапка на нее не налезала, и директриса всегда носила легкий прозрачный шарфик – газовый, как тогда называли.

Так вот женщина, которая стояла возле места гибели несчастного Семена Семеновича, тоже была без головного убора, хотя стоял конец ноября и на улице было холодно. Ее лицо показалось Надежде смутно знакомым. Спасаясь от пронизывающего ветра, она натянула поглубже капюшон куртки и попыталась вспомнить, где могла видеть эту женщину, но безуспешно.

Впрочем, Надежда Николаевна и не очень старалась – ее мысли были заняты трагическим происшествием и чувством собственной вины. Ведь если бы она не приехала сюда и не заставила Семена Семеновича уйти с остановки, он не оказался бы возле стройплощадки и не был бы убит упавшим бетонным блоком...

Надежда покосилась на старый тополь. Тот стоял на прежнем месте, слегка покачиваясь под порывами ветра, но и не думал падать... Так с чего она взяла, что дерево упадет? Только с того, что прочитала об аналогичном происшествии в газете сорокалетней давности...

Надежда понимала, что об этом никому нельзя сообщать. Ей и самой такое объяснение кажется смехотворным, а другой человек подумает, что она сошла с ума! Да, но покойного звали Семеном Семеновичем, как и героя той заметки... это не может быть простым совпадением!

А чем еще это может быть?

Бред какой-то... совершенная ерунда...

Хотя... какая-то мысль безуспешно пыталась пробиться на поверхность ее сознания, но Надежда Николаевна была так расстроена и растерянна, что мысль оставила свои попытки и затаилась где-то глубоко в голове.

Работяги стояли в растерянности, прораб перестал орать на спустившегося крановщика и звонил кому-то по телефону. Послышались звуки сирен, мимо Надежды проехали две полицейские машины и «скорая помощь», и она встрепенулась.

Сейчас место происшествия оцепят и начнут опрашивать свидетелей. А кто свидетель? Да она же, Надежда. Кто виноват, выяснять будут потом, а пока ее запишут как свидетеля и будут таскать на допросы.

А что она им скажет? Ведь ее первым делом спросят, что она делала на этой богом забытой улице Трубоукладчиков (черт бы побрал их всех вместе со Станкостроителями). А ответить ей нечего. Если соврать, так они проверят и быстро выведут ее на чистую воду. А если честно рассказать про газеты, то сочтут ненормальной. В психушку, может, и не отправят сразу, но неприятности будут. А если еще муж узнает...

Полицейские машины еще только парковались возле развалин остановки, а Надежда Николаевна уже горной серной скакнула за тополь и заметила проход между домами.

Дома на этой улице были все одинаковые – какие-то серые и безликие, на балконах ни пустых ящиков для цветов, ни детских велосипедов, ни сохнувшего белья. Людей тоже не было видно. Не сидели бабушки на лавочках, да и самих лавочек не наблюдалось, не возились малыши на детских площадках, а сами площадки со сломанными каруселями и загаженными песочницами производили ужасное впечатление.

Все это Надежда Николаевна отметила мимоходом, торопясь поскорее оказаться как можно дальше от этого района.

По пути ей никто не встретился, и это было, несомненно, хорошим знаком.

Миновав небольшой сквер с голыми ободранными кустами и парой чахлах елок, из последних сил создающих зеленое пятно, она вышла на какую-то улицу – не такую унылую, как улица Трубоукладчиков. Тут были и магазины, и дома стояли поновее, и даже ходил троллейбус.

Пройдя пару кварталов, Надежда увидела на другой стороне улицы торговый центр – не очень большой, но вполне себе современный – и решила, что неплохо бы перевести дух и выпить кофе. Прийти в себя, причесаться, губы подкрасить, а потом и такси вызвать. Впрочем, такси, пожалуй, не нужно, вдруг таксист ее запомнит. И спрашивать, какой транспорт ходит в ее сторону, тоже без надобности, сама в Гугле посмотрит.

Надежда Николаевна дошла до ближайшего перехода и заметила рядом с торговым центром ту самую женщину с халой, которая засветилась на месте несчастного случая. Тоже, видно, решила от греха удалиться, чтобы в свидетели не записали. Интересно, как она раньше Надежды успела?..

Загорелся зеленый человечек, Надежда перешла дорогу, увидела, что темно-синее пальто мелькнуло в дверях торгового центра, и вошла следом.

Центр был так себе, магазины не впечатляли, да ей туда и не нужно. Стрелка «кафе» указывала на второй этаж. Надежда не стала ждать лифта и поднялась пешком.

Кафе тоже было самое простое: стойка у стенки в углу и несколько столиков, отгороженных пластмассовыми ящиками с искусственными цветами. Надежда мимолетно удивилась, до чего жутко выглядят эти цветы и кому пришло в голову украсить ими кафе. Ведь такие на кладбище и то не годятся.

Тем не менее здесь приятно пахло кофе, и парень, который колдовал над кофеваркой, выглядел вполне прилично. Увидев, что женщина в синем пальто как раз расплачивается у стойки, Надежда чуть задержалась. Почему? Она и сама не смогла бы объяснить.

«Хала» взяла бумажный стаканчик с кофе, отошла к самому дальнему столику и, сев ко всем спиной, достала мобильный телефон.

Надежда заказала капучино, и когда напиток был готов, тихо подошла к соседнему столику, наполовину скрытому колонной, так же тихо отодвинула стул и села, вся обратившись вслух, поскольку женщина с «халой» негромко заговорила по телефону:

– Да... да, все как договорились. Вы же знаете, что у меня проколов не бывает... Что-о? – Она повысила голос, и Надежда от неожиданности едва не пролила свой кофе. – Что дерево? Какое еще дерево?!

Надежда вся превратилась в одно большое ухо.

– Ах, тополь... – протянула женщина насмешливо. – Ну деревья не падают сами по себе, это не стропы у подъемного крана... Так или иначе, дело сделано, и вы... – тут она внезапно оглянулась.

Надежда Николаевна едва успела прикрыться стаканчиком с кофе и опустить глаза. Хотя глаза не желали опускаться, а напротив, хотели вылезти из орбит. И рот хотел открыться от удивления. Во-первых, женщина была явно замешана в случае с несчастным Семеном Семеновичем! Если зашел разговор о тополе, стало быть, она в курсе той старой заметки в газете. Но неужели это она все устроила? Во-вторых, Надежда узнала ее голос. Таким голосом накануне

разговаривала женщина, представившаяся соседкой несчастной старушки Марфы Петровны, которая со своей собачкой едва не попала под машину.

И что это значит?

Надежда хорошо различала голоса и ошибиться не могла. Саму женщину она помнила смутно – обычная, средних лет, одета просто и незаметно. Кто такую запомнит? Прибежала, подхватила старушку и куда-то потащила.

А может, это и не соседка вовсе? Старушка явно была в шоке, да и зрение небось плохое... Но зачем это все?.. И тополь... Если буквально на секунду предположить, что смерть Семена Семеновича не случайна, стало быть, эта женщина с «халой» – киллер? Да не может быть!

Женщина тем временем в раздражении бросила телефон в сумку и поднялась с места, с грохотом отодвинув стул. Надежда Николаевна невозмутимо пила кофе, но как только незнакомка пошла к лестнице, тут же вскочила и направилась за ней, возблагодарив судьбу за то, что в этом кафе не обслуживают официанты.

Увидев, что женщина в темно-синем пальто вышла из торгового центра и остановилась неподалеку, Надежда стала наблюдать за ней сквозь стеклянные двери.

Вот она решительными шагами подходит к серой неброской машине, открывает дверцу, пытается сесть, но цепляется «халой» за потолок... Ну, все правильно, не привыкла к такой прическе, в нервах-то не рассчитала... «Хала» накренилась набок, женщина в сердцах сорвала ее с головы и бросила на заднее сиденье машины.

Надежда заметила, что у нее короткая стрижка. Что ж, очень удобно, если менять парики. Кажется, вчера на ней был берет или вязаная шапочка... Она едва успела сфотографировать номер машины, прежде чем та уехала. Получилось смазано, но рассмотреть можно.

Выйдя на улицу, Надежда Николаевна увидела знакомую маршрутку. Не то чтобы прямо до места довезет, но все ближе будет. И как ее занесло в такую даль? Улица Трубоукладчиков, ну надо же...

Тут мысль, которая уже неоднократно ворочалась в голове, наконец вырвалась на поверхность. Такое название улица явно получила во второй половине двадцатого века. Тогда город активно строился и улицам часто давали промышленные названия – улица Металлистов, проспект Энергетиков...

Интересно, была ли улица Трубоукладчиков сорок лет назад? Вернее, как она тогда называлась? Ну, это легко проверить.

Надежда ввела запрос на экране смартфона и узнала, что улица Трубоукладчиков появилась в семидесятые годы. Сначала проложили трубопровод, затем построили завод по переработке того самого, что было в трубах, а еще позднее завод построил несколько домов для своих работников.

А вот проспект Станкостроителей появился гораздо позже. Еще с позапрошлого века на его месте проходила дорога, которая затем перешла в улицу – Коровий проезд (очевидно, по ней коров гоняли), и получилось, что улица Трубоукладчиков пересекала этот самый Коровий проезд. Ну и ладно, все привыкли, однако в девяносто пятом году этот вопрос взволновал какого-то чиновника, и улицу переименовали. А это значит, что сорок лет назад не было никакой улицы Станкостроителей и в газете все наврали.

– Интересно... – тихо произнесла Надежда. – Очень интересно...

Вернувшись домой, она первым делом включила компьютер и запустила базу данных, подаренную ей одним влиятельным человеком за помощь в сложной ситуации. В этой базе было все – адреса и телефоны всех жителей Петербурга, номера их машин... Сейчас Надежду интересовали именно номера машин, а конкретно той, на которой уехала подозрительная женщина.

Через несколько секунд умная программа сообщила, что машина с таким номером зарегистрирована на фирму с названием «Интерпресс», и выдала адрес этой фирмы – улица Корректоров, дом номер 31-Б. Подумав немного, Надежда Николаевна решила съездить туда на следующий день с утра пораньше. И как оказалось, это было правильным решением, поскольку позвонил муж по стационарному телефону и поинтересовался, что случилось, он-де целый день названивает ей на мобильник, а тот выключен. Выяснилось, что мобильник разрядился.

Они очень мило поболтали, Надежда сказала, что скучает, и предоставила полный отчет о здоровье Бейсика. Сан Саныч, в свою очередь, заверил ее, что тоже скучает, но она подозревала что не столько по ней, сколько по коту.

Тихая безлюдная улица Корректоров находилась в старом районе Петербурга неподалеку от Екатерининского канала и была застроена преимущественно доходными домами конца девятнадцатого века с лепниной и балконами, которые поддерживали упитанные кариатиды. Правда, большинство этих домов давно нуждались в ремонте, а многие кариатиды лишились носов, рук и других важных деталей... Впрочем, Надежда приехала не на экскурсию, а по важному делу.

Она прошла вдоль нечетной стороны улицы и нашла тридцать первый дом, за которым сразу следовал тридцать третий. Ни дома 31-А, ни тем более 31-Б не было и в помине.

«Опять двадцать пять, снова-здорово, – мысленно вздохнула Надежда, – в старых районах всегда так».

Она прошлась вдоль тридцать первого дома, внимательно его осматривая. Здесь были только жилые квартиры, никаких офисов не наблюдалось.

– Женщина, вы что-то ищете? – услышала Надежда Николаевна подозрительный голос и обернулась, но никого не увидела.

Рядом с ней находилась только кошка – белая, с рыжими пятнами и хвостом в серо-черную полоску, отчего создавалось ощущение, что хвост ей при рождении приделали от другого кота. Кошка смотрела на Надежду неодобрительно.

Надежда Николаевна моргнула... и кошка пропала, а вместо нее появилась особа в аккуратном синем ватнике, вооруженная скребком для скалывания льда. Должно быть, это была местная дворничиха. Вот только, для чего ей понадобился скребок? Ноябрь хоть и считается в Петербурге зимним месяцем, но город в это время совершенно сухой, дождей мало, а днем и солнце ненадолго выглядывает.

Надежда решила разжиться у нее информацией.

– Да, я ищу дом тридцать один Б, но его, похоже, нет.

– Почему нету? Вот он, тридцать первый Б. – И дворничиха показала на газетный киоск, стоящий на краю тротуара.

– Так это киоск? – удивленно спросила Надежда Николаевна.

– А что, киоск не дом? – прищурилась дворничиха. – Все вам не то!

Надежда поскорее поблагодарила нелюбезную тетку и направилась к киоску, над окошком которого висела крупная отчетливая надпись: «ООО Интерпресс», однако, не дойдя нескольких шагов, внезапно остановилась.

Внутренний голос подсказывал ей, что не следует подходить ближе, не стоит очертя голову бросаться в неизвестность. Кто ее знает, эту фирму... Надежда отошла чуть в сторону, так чтобы ее не было видно из окошка, и стала наблюдать.

Вскоре к киоску подошел мужчина в синей куртке с капюшоном, наклонился к окошку и что-то тихо проговорил.

Пожалев, что стоит далеко и ничего не слышит, она хотела подойти поближе, но тут ее кто-то окликнул:

– Женщина, послушайте, что я скажу!

Надежда Николаевна обернулась и увидела перед собой прежнюю дворничиху. Та как-то странно подмигивала и размахивала руками. Машинально отметив, что сейчас скребка при ней не было, Надежда осведомилась:

– В чем дело?

– А дело в том, что не стоило вам сюда приходить!

– Что? Почему это не стоило?

– А вот почему! – Дворничиха снова взмахнула рукой – и вдруг в глазах Надежды потемнело, а сама она провалилась в темный бездонный колодец.

Надежда Николаевна пришла в себя оттого, что кто-то назойливо теребил ее за руку:

– Женщина, я вас спрашиваю, вы последняя?

– Что? Куда последняя? Почему последняя? – переспросила Надежда, растерянно хлопая глазами и оглядываясь.

Она сидела в длинном коридоре, стены которого были выкрашены унылой бежевой краской, а под потолком светили такие же унылые люминесцентные лампы, иногда по странному недоразумению называемые лампами дневного света.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.